

Второе положение поучения об опыте деятельной любви гласит: «Это испытано». Положение «это испытано» есть уже довод, взятый из практики христианства, и есть, быть может, переход к «практическому разуму» Канта, к категорическому императиву; но то обстоятельство, что первое положение — «доказать тут ничего нельзя» — идет от философии Канта, этому подтверждением служит заявление старца в другом месте романа. Говорят философы, что сущность «вещей нельзя постичь на земле»⁹.

Старец Зосима — не Митя. Его простота — итог большой сложности, итог глубоких размышлений и большого внутреннего опыта, но «философы», о которых говорит старец, это, надо полагать, все те же философы, о которых речь шла и у Мити, т. е. прежде всего Кант, ибо именно у Канта доказательства по отношению к тезису и антитезису ничего не доказывают, и мир «вещей в себе» (т. е. умопостигаемый мир) непознаваем. И если старец Зосима вместо того, чтобы говорить о непознаваемости мира «вещей в себе», говорит о непознаваемости «сущности вещей», то смысл его утверждения остается тот же, что и у Канта, и он даже выражается вполне в рамках философской терминологии.

VII

ВЕРДИКТ БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫМ

Пока речь шла о четвертой и второй антиномии. Но вот Достоевский поставил вопрос и о третьей антиномии: о свободе воли и необходимости или, переводя в моральный план, о свободе воли и вменяемости, о вине и возмездии. Эта антиномия, как

⁹ 9, 401.

известно, послужила Достоевскому темой романа «Преступление и наказание». Но эта же тема поставлена и в «Братьях Карамазовых», причем она поставлена как в том же плане, что и в романе «Преступление и наказание» (убийство Федора Павловича), так и совсем в другом плане («Легенда о великом инквизиторе»).

Поскольку читателя занимает сейчас только проблема «Кант у Достоевского», т. е. как понимал Кант Достоевский, постольку займемся пока лишь постановкой проблемы в первом плане.

В уже упомянутой главе «Братья знакомятся» Иван после самоуничижения и признания, что он клоун (в параллель к признанию Мити, что он, Митя, сладострастное насекомое), что смысла неоправданного страдания он понять не может, что, пожалуй, люди сами виноваты в том, что они рай неведения и необходимости променяли на познание, ибо захотели свободы, т. е. после повторения обветшалой библейской темы о грехе познания, как причине страдания, Иван снова прикрываясь своим жалким эвклидовским умом сознается, что он знает лишь то, что «страдание есть, что виновных нет, что все одно из другого выходит прямо и просто, что все течет и уравнивается»¹ но, страстно резюмирует он, ведь это лишь «эвклидовская дичь» и жить по ней он согласиться не может.

Однако в этой «эвклидовской дичи» есть два любопытных положения: первое, — что все прямо и просто одно из другого вытекает, т. е., переводя на язык Канта, что в мире опыта все обусловлено непрерывным рядом условий, или же что все протекает в рамках естественной необходимости природы²; второе, — что раз в эмпирическом мире, или что то же, в мире эвклидовом, все обусловлено и совершается с необходимостью, то в нем отпадает вопрос о вменяемости, ибо виновных нет.

Так утверждает Иван, но так утверждает и Кант таков антитезис его третьей антиномии.

Иван продолжает развивать мысль:

¹ 9, 306.

² Кстати, выражение «естественный закон» есть и у Достоевского.

«Что мне в том, что виновных нет и что все прямо и просто одно из другого выходит и что, я это знаю, — мне надо возмездие!»

Но на это требования возмездия, на это признание Иваном вины человека, несмотря на то, что виновных нет, именно на это явное противоречие и указывает Кант. И именно ради разрешения этого противоречия Кант и вводит путем тончайшей казуистики свое учение об умопостигаемом и эмпирическом характере человека.

Читатель как бы на мгновение входит в зал анатомического театра, где виртуозно препарируют труп. Но только на этот раз анатом — философ Кант, а труп — «психический органон».

Умопостигаемый характер, по Канту, — это разум, действующий согласно самим идеям. Разум может самостоятельно начинать ряд событий. Способность самостоятельно, т. е. без принуждения, начинать ряд событий — есть свобода. Поэтому умопостигаемый характер (разум) обладает свободной причинностью.

От разума исходят императивы. Они приспособляют к идеям эмпирические условия, т. е. природу и среду — то, что «есть», к тому, что «должно быть». В эмпирических условиях, в процессе приспособления этих условий к идеям, и выявляется тогда умопостигаемый характер как характер эмпирический.

Моральные императивы, будучи свободной причинностью, обнаруживаются через эмпирический характер не как действия, а как независимое правило в действии: ты должен поступать так-то. Это правило в действии есть мотив воли.

Но все акты воли человека, как проявления его эмпирического характера, как протекающие в эмпирическом мире (в природе и среде), вытекают из условий этого мира и они необходимы. И вот дальше обнаруживается словно бы некий психический обман, как неотъемлемое свойство человеческого ума.

Было сказано: умопостигаемый характер определяет, по Канту, акты человека, а только эмпирический характер человека. Самые же акты, как проявления этого эмпирического характера, определены эмпири-

ческими условиями; однако нам кажется, что и самые акты определяются идеями разума, его умопостигаемым характером.

Отсюда и возникает противоречие.

Раз акты воли человека эмпирически обусловлены и необходимы, то человек за них ответственности не несет.

Но поскольку нам кажется, что эти акты воли определены идеями разума, которые ничем не обусловлены, а являются «свободной причинностью», постольку мы возлагаем на человека ответственность за его поступки. На этой мнимой свободной причинности, на этом «кажется» основывается ответственность за поступки. Человек ни в чем не виноват, но нам кажется, что он виноват — потому-то он для нас и есть виноватый.

Хотя поступок предопределен рядом эмпирических условий (и проявлен эмпирическим характером), он все же приписывается разуму (умопостигаемому характеру), его идее как причине поступка, которая, будучи свободной, могла и должна была бы определять поведение человека иначе, независимо от условий его чувственного склада, т. е. его эмпирического характера.

Почему же разум не определил его поведение иначе? Ответ на это, говорит Кант, невозможен. «Какая сторона нашей „вменяемости“ есть результат свободы, а какая природы, мы не знаем и судить не можем. Заслуга и вина остаются для нас скрытыми», т. е., как судьи, мы находимся в вечном заблуждении или неведении³.

Вот почему Кант утверждает, что в одном и том же акте человека могут быть противоречия между свободой и необходимостью. Поэтому свобода и необхо-

³ По мнению Канта, непримиримое противоречие произошло вследствие смешения двух планов — вневременного (мира умопостигаемых идей) и временного (мира явлений). Но если не смешивать два плана — вечного с преходящим, то свобода может, например, соединяться в одно и то же время без всякого противоречия в одном и том же акте с естественной необходимостью: так свободная фантазия человека может стимулировать его акт, обусловленный одновременно другими актами или условиями действительности. (Ср.: К а н т, 326—327.)

димостъ могут существовать независимо друг от друга и без ущерба друг для друга.

Вот почему и у Достоевского рядом с формулой Ивана и формулой короля Лира «нет в мире виноватых» выступает равноправная ей формула старца Зосимы и Мити: «Всяк за всех и вся виноват».

Для Канта никакого подлинного противоречия между такими двумя утверждениями нет. Их противоречие мнимое: оба они могут сосуществовать, одно — как выражение тезиса, и другое — как выражение антитезиса⁴.

Формула же «нет в мире виноватых» — это у Достоевского как бы возглас Антитезиса. Вспомним, что антитезис есть краеугольный камень науки (по Канту). И именно наука, как заявляет великий инквизитор, провозгласила, что «преступления нет», т. е. виновных нет.

Формула же старца Зосимы «всяк за всех и вся виноват», как теза религиозной морали, всеобщего греха — есть формула Тезиса, ибо тезис — краеугольный камень религии.

Теперь читатель может снова возвратиться к главе «Братья знакомятся», к исповеди Ивана Алеше, к его признанию, что хотя «виновных нет», но возмездие ему необходимо, т. е. что вину на человека он все же возлагает, невзирая на его невиновность.

Читатель теперь знает, что формула «виновных нет» есть формула Канта антитезиса, что она вытекает, согласно антитезису, из обусловленности и необходимости всех явлений и что требование возмездия, т. е. ответственности за поступки, несмотря на их детерминированность, основано на «свободной причинности», приписанной разуму не кем иным, как тезисом.

Так говорит Кант. Но так говорит и «антикант» — Достоевский — устами Ивана Карамазова.

Если бы читатель вывел «умопостигаемый характер» и «эмпирический характер» из-за кулис на сцену, где разыгрывается антиномический поединок, он тотчас бы убедился, что перед ним все те же тезис

⁴ Наряду с этим: одно — как выражение мира умопостигаемого, другое — как выражение мира опыта.

и *антитезис*, только по-иному костюмированные кенигсбергским философом.

Их было бы любопытно свести для диалога.

Диалог

Умопостигаемый характер, или Тезис:

— Ты должен поступать согласно своим идеям.

Эмпирический характер, или Антитезис:

— Я поступаю согласно тем условиям, которыми мои акты обусловлены.

Умопостигаемый характер, или Тезис:

— Но ты не должен поступать согласно этим условиям, а должен поступать согласно моим идеям, которые ничем не обусловлены: они свободны.

Эмпирический характер, или Антитезис:

— Но я не могу выйти из оков эмпирических условий. Я не могу поступать иначе, чем меня принуждают поступать эти условия.

Умопостигаемый характер, или Тезис:

— Так ты не хочешь?..

Эмпирический характер, или Антитезис:

— Я не могу...

И вдруг оба действующих лица — Тезис и Антитезис — проваливаются, а на их место появляется человек. И тут же на сцену поднимается не кто иной, как судья — Кант, чтобы произнести свой вердикт человеку, т. е. обвиняемому.

— Хотя ты, человек, поступал так, потому что иначе поступать не мог, в силу обусловленности твоих действий, и, следовательно, ты не виновен, но так как ты не должен был поступать так, как ты поступил, то безразлично — мог ли ты поступить иначе или не мог, но ты виновен.

И только замолк голос Канта, как рядом с ним появляется другая фигура в маске — «герой романа» и патетически повторяет резюме холодного судьи, но только по-своему его переиначив: «Ты не виновен, по-

тому что бога и бессмертия нет, но ты все же виновен, потому что бог и бессмертие есть», — в то время как из суфлерской будки звучит торопливый раздосадованный голос автора — Достоевского:

— Не так, не так! Виновных нет... но мне надо возмездия!

VIII

ЧУДОВИЩЕ «НЕОБХОДИМОЙ ИЛЛЮЗИИ РАЗУМА»

И ЕЕ ЖЕРТВЫ КАК ЖЕРТВЫ СОВЕСТИ

Рассуждения Канта по поводу антиномий должны, по мнению Канта, служить предупреждением мыслителям: не прибегать к трансцендентным, т. е. потусторонним, основаниям, выходя за пределы человеческого опыта, но и не объявлять невозможным умопостигаемое как ненужное. Это значит: не говорить «да» ни тезису, ни антитезису. Как раз с этой Кантовой позиции и разъясняет Иван Алеше свое отношение к миру: заглядывать в потусторонний мир он, мол, не может в силу ограниченности своего эвклидовского ума; поэтому он поневоле решил оставаться при факте, т. е. при эмпиризме, в границах опыта.

Тем не менее потустороннюю идею бога он-де принимает, только уже не в силу знания, а в силу веры, но мира, им созданного, не принимает. Однако идея бога — это смысл тезиса четвертой антиномии, а эмпирический мир — это ее антитезис. Итог размышлений юного мыслителя получается несколько своеобразным: только что Иван Федорович отказался от потустороннего мира, в силу его непознаваемости, как уже принимает его в силу веры; только что Иван Федорович решил ограничиться миром эмпирическим, как уже этого эмпирического мира не принимает.